

Марина Чуристова

МАМИН ПЛЕД НА КРЕСЛЕ

Что-то не так. Что-то явно не так. Ноги не болят после длинного рабочего дня в узких ботинках. Поясница не дает себя знать. Словно мне снова двадцать. А как я здесь оказался? Вспоминай! Утром я проснулся до будильника. Клара. Кажется, спала рядом. Да, у нее новый шампунь. Дорогой. И запах незнакомый. Я сделал чай. Отрезал колбасы. Продавщица посоветовала «любительскую», с мелким жиром. Смотрелся ли я в зеркало? Кажется, да. Я ведь каждый день это делаю. Как я выглядел? У меня светлые волосы. Ведь так? Глаза... Клара как-то сказала, что у меня потухший взгляд. Что это значит? Темные или светлые?

Я оделся. Зеленая в клетку рубашка. Да, на ней еще след от утюга, но его не видно. Брюки. Ремень на последнее отверстие. Клара как-то сказала, что я распустился. Как вязаный носок?

Вышел из квартиры и закрыл на верхний замок. Чтобы Клара могла открыть изнутри. На работу я поехал на машине или на метро? Я не помню лиц рядом, значит, ехал за рулем. Объехал ли тот прорыв на соседней улице? Если нет, потратил бы весь день на сервис. Какая была погода? Одежда осталась сухая. Дождя не было. Я без пальто. Значит, лето или весна.

На работе я заварил кофе. Стол Сергея напротив моего. Он рассказывал про новую компьютерную игру. Там нужно строить города. Сергею нравится Катя. Она недавно работает в нашем офисе. Красивая она? Кажется, у нее темные волосы. И помада розовая.

Что я делал на работе? У меня есть компьютер. Кажется, какие-то цифры на экране. Есть калькулятор. И таблица. Как называется программа, в которой рисуются таблицы?

Сергей что-то сказал, и его рот растянулся, показались зубы. Я сделал так же. Тогда он еще что-то сказал, и рот его открылся шире, а голова затряслась. Из глаз потекла вода. Мои остались сухими.

За окном было еще светло, но Сергей стал собирать вещи. Выключил компьютер. Я тоже встал и нажал на кнопку. Экран погас. Я вышел на улицу. Там было много машин. Какая у меня машина? Серая? Большая? Я достал ключи из кармана. На черной коробочке какой-то знак. Похожий на галочку. Я отыскал такой же на одной из машин. Черная.

Что было дальше? Как я оказался здесь? Здесь ни тепло, ни холодно. Желтый свет от торшера. За окном темно. В телевизоре что-то говорят. Как у Сергея, их головы трясутся, а рты широко открыты.

Я слышу, как открывается дверь. Через рифленое стекло вижу силуэт. Клара? Незнакомый голос. Не одна? Кто-то с работы? А кем она работает? Вспоминай! Она как-то сказала, что им в больницу привезли новые аппараты МРТ.

— Сенечка, ты давно тут сидишь? — Голос Клары сквозь рифленое стекло кажется чужим.

— Ммм... — говорю я.

— Я сейчас приготовлю поесть, — говорит она. — Принесу.

Почему она не вошла? Я не помню ее лица. В телевизоре маленькие человечки на льду прыгают. Я слышу голоса через стенку. О чем они так громко говорят? Какой-то запах. Внутри меня что-то булькает.

Дверь открывается, и входит она. Клара? В руках что-то пахнет. Мне очень хочется этого. Я протягиваю руки.

— Подожди, я помогу, — говорит Клара.

Она чем-то тычет мне в лицо. Внутри становится тепло и приятно. Я киваю. Хочу сказать, что мне нравится. Лицо Клары мокрое и блестящее.

— Мне нужно уехать на выходные, — говорит она, и вода из глаз течет сильнее. — Иначе я просто не выдержу.

— Ммм, — говорю я.

— Что ты мычишь? Мы можем нормально поговорить?

Становится громко и неприятно. Я машу рукой, чтобы отстала.

— Я жизнь на него положила! Обслуживала его, обстиривала. А он только и знает, что сидеть перед телевизором! Тебя хоть что-нибудь волнует? — Она смотрит на меня, из глаз больше не течет.

— Ммм, — отвечаю я.

— А у меня любовник уже два года! — Ее рот некрасивый, я машу на нее рукой. — Мы с Германом уезжаем в Звенигород на три дня. Если тебя это вообще волнует.

— Ммм, — отвечаю я.

— Вернусь во вторник. Еда в холодильнике. Должно хватить.

Клара уходит. Мне снова приятно. За окном темно. Свет торшера желтый. Перед глазами человечки прыгают по белому льду. И чего они такие быстрые? Можно же медленнее.

— Пап? Пааап?

Я открываю глаза. За окном голубой свет. В рифленую дверь кто-то заглядывает, долго смотрит. С ней маленький человечек.

— Боже, пап, а я тебя ищу по всей квартире, — говорит она. — Мама просила проведать тебя. Дениска, поздоровайся с дедушкой... Ну, не бойся!

Маленький подходит и трогает меня. Мне приятно.

— Па, ты ел? Мама сказала, что пожарила котлет... Но все целое. Ты что два дня не ел?

Я смотрю на маленького. Он смотрит в экран. Там прыгают шарики. Она ходит вокруг меня. Разглядывает.

— Мама говорила, а я не верила. Хотя чему удивляться? Ты никогда не интересовался ни ею, ни мной. Я думала, что ты занят на работе, поэтому не пришел на день рождения внука! Нет, тебе просто плевать на нас! И правильно, что мама уходит от тебя... Она еще молодая... А дядя Герман — хороший человек. Он заботится о ней.

Она и маленький уходят. Мне снова хорошо. Желтый свет торшера. Я смотрю в экран. Какая-то голова двигается и открывает рот.

— Сенечка, — говорит Клара, — ты что, не ходил на работу? И почему у тебя телефон выключен? Мне позвонил Сергей, сказал, что ты не пришел в понедельник и сегодня.

Я смотрю на нее. У нее белые волосы?

— Сенечка, ты что, не вставал с кресла все четыре дня?

Она трогает мое лицо. Холодно. Я вздрагиваю. Она нюхает меня.

— Ты что, запил? У тебя же печень!

Клара ходит из стороны в сторону. Она быстро ходит. Мне неприятно. Я хочу, чтобы она ушла. Машу руками. Она не замечает. Достает что-то из шкафа. Одежда? Рубашка и брюки. Рубашка

желтая. Мы были в Сочи. С Кларой и Дениской. Ели мороженое. Я нес Дениску на плечах. Он уронил мороженое прямо на рубашку. Мы смеялись. Когда это было? Каким-то летом. Да, ярко светило солнце. И волосы Клары стали еще светлее. Клара смеялась, и вокруг глаз расходились лучики. Мне было хорошо. Еще были рыбки. Я опустил ноги в аквариум и стало щекотно. Дениска смеялся, а мне было щекотно и страшно.

Клара стоит совсем близко. Расстегивает на мне рубашку. Ее руки дрожат. Глаза мокрые. Лучиков, как в Сочи, нет. Мне неприятно. Мне больно. Больно!

— Ммм, — толкаю ее.

Она падает. Смотрит на меня. Глаза большие, круглые.

Уходит.

За окном темно. Желтый свет торшера дрожит. На экране мутные пятна, открывают рот. Слышу шум. Голоса. Клары и незнакомый. Входят в комнату.

Высокий. Кажется великаном. Наклоняется ко мне, смотрит. Мне неприятно. Но махнуть ему не решаюсь. Он берется большими руками за мои плечи и трясет. Он тянет. Хочет поднять? Я не сопротивляюсь. Интересно. Он отступает. Дышит. Вытирает воду с лица. Снова хватает меня и тянет. Больно. Мы падаем. Я лежу на нем. Его глаза круглые и большие. Он выкарабкивается из-под меня и отползает в сторону, к Кларе. Клара зажала рот рукой. Лицо мокрое. Я не двигаюсь.

— Он прирос к креслу, — говорит он.

— Я так и думала, — говорит Клара. — Когда начала его раздевать, не поверила своим глазам. Рубашка не расстегивается... Давай поставим его на место. Что ж он, так лежать будет?

— Я снизу толкну, а ты тяни сверху, — говорит он.

Вдвоем снова меня толкают. Поставили. Неудобно. Мне не видно торшер, экран и окно.

— Ммм, — говорю я.

— Да, Сенечка, сейчас. — Клара двигает меня маленькими толчками.

Мне снова удобно. Клара и он уходят. Я слышу голоса. О чем-то говорят. На экране пестрые пятна. Я с интересом наблюдаю. Торшер беспокоит.

Снова входят он и Клара. У нее мокрое лицо. У него дрожит подбородок. В руках у Клары какой-то сверток.

— Я так не могу, — говорит она. — Это же мой муж.

— А я кто?

— Ты моя любовь, — говорит она, и из глаз снова вода. — Не думала, что еще могу полюбить. Но с ним у нас дочь, внук.

— Он уже не здесь, Клара, — говорит он и обнимает ее.

Торшер погас. Мне страшно. Хочу что-то сказать, но не могу. Клара и он обнимаются. Ее плечи трясутся. Он смотрит на меня. Отстраняет Клару.

— Давай, — говорит он ей и берет что-то в руки.

Маленькое и черное он направляет в мою сторону. Я зажмуриваюсь. Экран погас. Больше там никто не двигается. Мне страшно. Я смотрю на Клару. Она подходит ко мне. Ее лицо мокрое и спокойное. Она разворачивает сверток. Плед. Его вязала мама, еще в деревне. У нас были овцы. Отец их стриг, а мама пряла. Я любил смотреть, как пышное серое облако в маминых руках превращалось в тонкую крепкую нить. Потом ловкими движениями спиц из этой нитки выходили причудливые узоры. Этот плед она связала, когда я привез Клару. Каждый раз, когда у Клары болела поясница, плед вытягивал боль. Когда у меня ныли ноги после работы, я укрывал их пледом, и боль отступала. Когда маленькая Света болела, мы укутывали ее пледом, и она выздоравливала.

Клара стоит с пледом в руках. Маминым пледом. Он стоит рядом. Обнимает ее за плечи. Глаза Клары сухие и добрые. Он тоже совсем не страшный. Клара накрывает меня. Они уходят. Становится темно. И спокойно. Мне приятно.

